

рого порогового уровня нейтрализуется за счет взаимопроникновения, взаимовлияния различных категорий и классов.

Система языка, таким образом, характеризуется неразрывной диалектической связью устойчивости и изменчивости: с одной стороны, она программирует речевую деятельность или, как писал Соссюр, вносит в речевую деятельность единство; с другой стороны, как указывал один из оппонентов Соссюра В. Н. Волошинов, в процессах производства и восприятия текстов «языковая форма важна не как устойчивый и себе равный сигнал, а как всегда изменчивый и гибкий знак»¹³. Все это свидетельствует о том, что наиболее приемлемым может быть признан такой подход к описанию языка, в рамках которого статический и динамический аспекты сочетались бы по принципу дополнительности.

¹ Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 134.

² Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С. 7.

³ См.: Heinz A. Podstawowe zalozenia wspolczesnego jezykoznaostwa ogolnego // Biuletyn PTJ. 1968. Z. XXVI. S. 38.

⁴ Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 21.

⁵ См.: Klemensiewicz Z. Podstawowe wiadomosci z gramatyki jezyka polskiego. Warszawa, 1981. S. 49.

⁶ См.: Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 144—145, 160.

⁷ Льюис К. И. Виды значения // Семиотика. М., 1983. С. 214.

⁸ См.: Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 1985. С. 14.

⁹ См.: Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 151—155.

¹⁰ См.: Льюис К. И. Указ. работа. С. 214; Степанов Ю. С. Указ. работа. С. 15—16.

¹¹ См.: Фрумкина Р. М., Миркин Б. Г. Семантика «конкретной» лексики: психолингвистический подход // ИАН ОЛЯ. 1986. Т. 45. № 1. С. 20.

¹² См.: Gramatyka wspolczesnego jezyka polskiego. Morfologia. 1984. S. 108.

¹³ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929. С. 6.

Ю. В. ПОПОВ

ТЕКСТ КАК ЭМПИРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Текст, т. е. представленное в той или иной наблюдаемой форме речевое произведение, всегда служил и служит для языкознания эмпирическим объектом — той объективной данностью, с которой имеет дело лингвист. Однако различие подходов, целей, установок лингвистической работы приводит к принципиальным различиям в характере того теоретического знания, которое надстраивается над эмпирическим, базисным уровнем текста. Естественно, что действующая при этом методологическая рефлексия порождает и весьма различные представления о тексте как эмпирическом объекте, отражающие разные стороны объективной реальности. Иными словами, различным оказывается и содержание науки о языке в целом. Поэтому рассмотрение с указанной точки зрения лингвистических традиций и тенденций представляется плодотворным и особенно актуальным в наши дни, когда языкознание переживает период переоценки собственных приоритетов и поиска новых направлений развития. Попытка такого анализа предлагается в настоящей статье.

Для классического структурного языкознания, начиная с Ф. де Соссюра, эмпирический текст, несомненно, служил самым традиционным образом — в качестве текстового материала или, если угодно, репрезентации языкового материала в речевой деятельности. Такой подход не предполагает взгляд на текст как на самостоятельную сущность, «вещество» текста рассматривается не на молекулярном, а на атомарном уровне. Поэтому сам текст (в классической системоструктурной тради-

ции) не является ни эмпирическим, ни теоретическим объектом. Абстрагируемый из текстового материала теоретический объект, языковая система, соотносится не с текстом, а с отношениями наличествующих в нем языковых единиц при вынужденном отвлечении от того целого, внутри которого и для которого они существуют. Возникает инвентаризирующая таксономика языковых средств, хотя и более на дедуктивной, нежели на индуктивной (младограмматической) основе. Парадигматические и синтагматические, межуровневые иерархические отношения языковой системы, конечно, соотносятся с объективной реальностью, вопрос, однако, в том, с какой именно реальностью.

Ответ на этот вопрос в структурном языкознании оказывается двойственным. С одной стороны, глядя на тот или иной вариант модели языковой системы, мы получаем определенное знание о языковых средствах, причем знание преимущественно формальное. С этим знанием удобно логически оперировать, совершенствуя его, рассматривая различные возможные варианты и модификации модели. Но для того, чтобы превратить данный логический конструкт в теорию языка, необходимо прежде всего определить соответствующий ему эмпирический объект. То, что реально таким объектом является рассматриваемый под определенным углом зрения текстовый материал, не устраивает лингвистов, ибо изъятый из текста, он перестает существовать именно в этой реальности (речевой). Выход был подсказан самим Соссюром: «язык так же конкретен, как и речь». Возникает второй ответ на упомянутый вопрос. Языковая система — это уже не модель знания, а реально существующее «образование» в эмпирической области человеческого сознания, памяти.

Налицо фундаментальное внутреннее противоречие концепции, отчетливо проявившее себя в последний период развития структурного языкознания. Показательна здесь судьба теории Н. Хомского, которая вызвала чуть ли не всеобщий интерес вначале (как логико-математический конструкт) и столь же общую критику впоследствии, когда она стала претендовать на психологическую и даже генетическую реальность. Показательна и неэффективность попыток психолингвистики представить со своей стороны эмпирический коррелят структурной модели языковой системы.

Наиболее знаменательны, однако, те новые тенденции, которые родились как в русле самого системоструктурного языкознания, так и в сфере иных теоретических принципов подхода к языку. Прежде всего вспомним о возникновении и взрывообразном развитии лингвистики (грамматики) текста. Суть этого факта понятна — наконец-то текст как таковой стал именно объектом для языкознания. Но столь же понятен (и поучителен) характер эволюции этого направления. Первое время активное развитие исследований по грамматике текста объяснялось появлением в поле зрения лингвистов новой обширной области применения апробированных принципов и методов структурного языкознания. Однако текст как эмпирический объект плохо поддавался моделированию на теоретическом уровне. Не удивительно. Подход к тексту как к элементу языковой системы, как к единице уровня, надстроенного над уровнем предложения, т. е. фактически как к одному из языковых средств, не мог принести успеха, поскольку текст таким средством не является. Текст не укладывался в существующую теоретическую модель языковой системы. Поэтому результаты таких исследований в большинстве своем либо оказывались тривиальными, либо выводили за рамки модели системы языка: текст явно претендовал на статус самостоятельного теоретического объекта. Как следствие, грамматика текста недолго существовала в активной самостоятельной форме. Исследователи, сохраняющие взгляд на текст как на эмпирический объект, переходят в своей теоретической работе либо на более общие теоретические позиции коммуникативно-функциональной теории, либо включаются в русло «семантизированного» языкознания.

Под коммуникативно-функциональной теорией в данном случае понимается широкая область современных исследований языка, которую лишь отчасти или даже условно можно считать лингвистической. Различные подходы и стороны в этой области представлены психолингвистикой, социолингвистикой, прагмалингвистикой, теорией речевых актов и т. д. Объединяет их, с одной стороны, деятельностный коммуникативно-функциональный теоретический принцип, а с другой — подход к тексту как к текстовой деятельности, причем включенной в более широкий эмпирический и теоретический объект (речевая деятельность, речевая коммуникация, речевая интеракция и т. д.). «Язык» здесь представлен, вообще говоря, лишь языковыми средствами (как средствами текстовой деятельности), что, казалось бы, не стимулирует развитие собственно языкознания, поскольку его существующий системоструктурный вариант уже обладает моделью системы языковых средств. Действительно, создается впечатление, что для многих авторов прагмафункциональных концепций интерес представляет не язык, а использующие его субъекты с их речевыми интенциями, речевым поведением и т. п. Отнюдь не желая умалить безусловную теоретическую и практическую важность и актуальность такого рода исследований, хочется все же подчеркнуть, что они не могут быть эффективными, если не будут использовать в полной мере данные теории языка (языкознания), а полагать такие данные уже представленными на должном уровне явно преждевременно. На этих позициях, очевидно, и стоят те лингвисты, которые активно продолжают работу в области собственно языкознания.

Ведущее в наши дни направление в этой области мы условно назвали «семантизированным». Имеется в виду та менталистическая тенденция, которая в 60-е годы фактически вытеснила формально-структурный подход к языку, хотя и не отказывалась явно от языковой системы как теоретического объекта. В действительности же дело шло, пожалуй, не столько о системоструктурном теоретическом принципе (и соответствующем теоретическом объекте), сколько о системно-структурном методе, который в применении к различным пластам языковой семантики позволил наметить переход от статического, сугубо аналитического моделирования к динамическому, отражающему синтетическую природу языкового процесса. Внешними проявлениями этих важных событий были преодоление целого ряда внутрисистемных границ, например, между лексикой и синтаксисом, между синтаксисом и словообразованием, размывание традиционного противопоставления языка и речи, попытки постулировать «вторую» языковую систему как переходный объект между сосюринанской системой и текстом либо рассматривать закономерности языкового процесса «употребления» (языковых средств) в качестве речевой системности. По сути же, думается, происходило и происходит становление нового — хотя и известного со времени В. фон Гумбольдта — теоретического принципа, который можно назвать генеративно-функциональным.

Теоретическим объектом языкознания в таком случае оказывается языковой текстопорождающий процесс, который моделируется в отвлечении от субъектов речевой деятельности, поскольку внимание концентрируется на том, что происходит с языковым материалом в этой деятельности, а не на психологических или социальных факторах происходящего. Представляется, что ошибка позднего Хомского, пытавшегося моделировать этот процесс, заключалась, с одной стороны, в том, что его модель осталась статичной (отражающей лишь корреляционные отношения между структурами), а с другой стороны, в том, что составляющими языкового процесса он считал трансформации (физикалистская аллюзия), а не гармонизированные операции выбора языковых средств.

Генеративно-функциональный принцип отводит тексту важное место внутри теоретического объекта языкознания, ибо он является органической частью (завершающей фазой) языкового процесса. Еще раз под-

черкнем, что речь здесь идет именно о процессе, а не о деятельности, включающей в себя этот процесс. Положительно уже то, что мы тем самым остаемся в рамках собственно лингвистической науки, а с другой стороны, можем ожидать действительно полезных данных для прагматической, социопсихологической интерпретации их в рамках теории речевой коммуникации (чего не приходится ожидать от канонических моделей языковой системы).

Особенно интересными в генеративно-функциональном языкознании оказываются возможности представления эмпирического и теоретического объектов. Эмпирически данным является текст, но не как продукт, что характерно для структурной грамматики текста и некоторых прямолинейных прагмалингвистических интерпретаций текста как коммуниката, а как развивающийся текст. Действительно, наблюдаемый на тексте процесс точнее квалифицировать как процесс развития, а не порождения. Если на теоретическом уровне представить модель системы правил, норм, регулирующей взаимодействие операций выбора языковых средств (и их создания) для осуществления развития текста, мы получим строго соответствующие друг другу эмпирический и теоретический объекты, динамический характер которых, отвечающий динамической природе языка, не вызывает сомнений.

Конечно, пока еще отсутствуют даже контуры названных объектов, однако генеративно-функциональная тенденция в лингвистической работе уже заявляет о себе с полной определенностью, и можно надеяться, что завоевание этих новых собственно лингвистических позиций не будет отложено под давлением семиосоциопсихологических интересов (в том числе и ради пользы для этих последних).